

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

БУДАГОВ Р. А.

В ЗАЩИТУ ПОНЯТИЯ *слово*

Памяти Федота Петровича Филина (1908—1982)

1. Во многих работах современных лингвистов разных направлений, как зарубежных, так и отечественных, мы встречаемся теперь с весьма странным утверждением, будто бы *слово*, как и само понятие *слово*, не имеют никакого серьезного значения в науке о языке. *Слово* объявляется понятием несовременным и устаревшим. Описывая характерные черты американской лингвистики, один из авторов утверждает: «Полностью освободиться от гнета европейской лингвистической традиции, конечно, не удалось, хотя и делались декларативные заявления об абсолютной никчёмности такой, например, категории, как слово, которое занимает в европейской лингвистике центральную позицию (почему и можно назвать ее лексико-центрической)» [1]¹.

Дело здесь не столько в фактической неточности подобного утверждения (не все «европейские лингвисты» признают *слово*), сколько в удивительной декларации об «абсолютной никчёмности слова» как определенной языковой категории. Возникает вопрос, как могло зародиться такое странное убеждение? Европейская лингвистика никогда не была в этом отношении единой, хотя уже с самого начала нашего столетия стали раздаваться голоса, утверждавшие релятивность *слова*, голоса, постепенно переходившие в отрицание самого наличия *слова* в языке. Свыше двадцати лет тому назад я, в частности, опираясь на конкретный материал разных европейских языков, попытался показать несостоятельность отрицания *слова* в лингвистике первой половины нашего столетия [3]². В этой статье были подробно проанализированы теоретические основы, приведшие к подобному отрицанию. Вместе с тем раздавались и протесты против отрицания *слова* по мере того, как умножались публикации противников слова. Поэтому в последующих строках я буду обращаться к прошлому нашей науки лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания «взрыва» против *слова* в некоторых направлениях лингвистики 60—80-х гг. нашего столетия.

Причин подобного «взрыва» много. Начну со своеобразного преклонения перед *целым*, своеобразной мистики целого: существует только целое, как бы оно ни называлось — целое предложение, целая группа предложений, целый контекст, целое художественное произведение. Многочисленных авторов подобных рассуждений мало интересует вопрос о том, из чего складывается подобное целое, из каких элементов (смысловых и формальных) оно создается. При этом с годами понятие *целого* становится все более «большим целым». Ранее говорили, будто бы существенны не слова, а предложения, теперь уже утверждают, что еще существеннее сочетания многих предложений, любой текст, художественное сочинение, изучаемое в так называемой «лингвистике текста». Размеры подобного текста тоже непрерывно увеличиваются. Текст «Братьев Карамазовых» Достоевского, например, оказывается уже недостаточным, приходится говорить о собра-

¹ И сам автор этого предисловия объявляет *слово* устаревшей категорией [2].

² В наши дни широкое освещение проблемы *слова* (наряду с другими проблемами) дано в [4].

нии сочинений этого автора, а то и о всей русской литературе прошлого столетия. Так начинают стираться грани между лингвистикой, с одной стороны, и поэтикой, историей литературы, историей культуры, историей общественной мысли — с другой. Возникает не взаимодействие наук — важная проблема нашего времени! — а их полное смешение. Между тем, здесь следует строго различать взаимодействие и смешение ³.

Сказанное, разумеется, не означает, что системные (целостные) исследования в самых различных областях знания, ведущиеся в наше время, оказываются ненужными или ошибочными. Напротив. Они играли и играют важную роль в науке нашей эпохи ⁴. Протесты вызывают не сами по себе понятия системы и целого, а их интерпретация в некоторых направлениях науки, приводящая к ошибочной дилемме: либо целое, либо части целого, либо большие единицы языка (предложение и сочетание предложений), либо «малые» единицы (слова, слоги, звуки). В лингвистике подобный противопоставление (либо — либо) уводит исследователя в сторону от конкретного материала естественных языков. Возникают пустые абстракции, не продвигающие вперед науку о языке ⁵.

Вернемся, однако, к вопросу о том, как могло возникнуть, казалось бы, невероятное представление о «никчемности слова»? Быть может, здесь создалось положение, возможное и в других науках, при котором наши «житейские представления» не совпадают или даже резко расходятся с современными научными данными? Но ведь «житейские представления» в данном случае опираются на многовековой опыт человеческой практики. Мы говорим, например, «честное слово», «крылатое слово», «меткое слово», «ходячие слова», «к слову сказать», «из песни слова не выкинешь», «он (она) за словом в карман не полезет», «не дав слова крепись, а дав слово держись», «словá без дел, что лук без стрел» и сотни других. Неужели и здесь существительное *слово* непонятно вне широкого контекста, неужели и здесь для осмысления *слова* нужно призывать на помощь «лингвистику текста»? Разумеется, нет. Контекстом для *слова* здесь служит многовековая народная мудрость, выраженная в языке.

Предположим, однако, на минуту, что «современная лингвистика» опровергает народную мудрость. Ведь когда-то открытие шарообразной формы Земли опровергло старинное представление о Земле как о плоской поверхности. Но это великое для своего времени открытие не помешало людям, как не мешает оно и теперь, ходить прямо, не сгибаясь, несмотря на шарообразную поверхность Земли. Подобно этому — напомним, «всякое сравнение хромает» (*omne simile claudet*) — известная относительность в самостоятельной жизни отдельных *слов* несколько не мешает и не может мешать людям выражать мысли и чувства прежде всего с помощью отдельных *слов*, хотя эти последние находятся в системе языка и взаимодействуют друг с другом.

Попытки «выбросить» *слово* из науки о языке вызваны еще и тем, что до сих пор не существует общепризнанного понимания и определения *слова*. Но ведь нет и общепризнанного определения предложения, что не мешает «лингвистике текста» целиком опираться на предложение, на груп-

³ Для примеров и иллюстраций см. главу «В какой мере „лингвистика текста“ является лингвистикой?» в моей книге [5]. В вышедшем недавно сборнике [6] хотя и общается в заглавии не только о «целом», но и о его «компонентах», в самом же сборнике «компоненты» понимаются тоже как «целое», но только менее «длинное». К а ч е с т в е н н о е р а з л и ч и е между «целым» и его «компонентами» не вскрыто и не показано, а *слову* как самостоятельной категории языка места не находится. При этом авторы напрасно, на мой взгляд, ссылаются на В. В. Виноградова, все творчество которого может быть названо «гимном слову» во всех его аспектах. В. В. Виноградов всегда шел не от предложения к слову, а от слова к предложению, а затем и к художественному целому (об этом дальше).

⁴ По мнению многих исследователей, понятие системы было «ключевым понятием» уже в XVIII столетии. См. об этом [7].

⁵ О борьбе с пустыми абстракциями см. [8]. В 1982 г. вопрос об абстракциях и моделях в математической лингвистике ставится уже совсем иначе, чем он ставился десять — пятнадцать лет тому назад. Некоторые представители математической лингвистики теперь хорошо понимают, что лингвистические модели не должны допускать «чувствительного искажения лингвистической реальности» (см. об этом [9]).

пу предложений, на длинный текст. Но трудности определения *слова*, как и любого другого научного понятия, не могут служить основанием для исключения *слова* из филологии, которая призвана им заниматься едва ли не в первую очередь. Споры об определении *слова* давно велись и ведутся среди лингвистов многих стран, в том числе и среди советских ученых, в особенности на протяжении 50—60-х годов, когда было опубликовано немало интересных статей на эту тему.

К сожалению, однако, эти статьи, нередко без серьезных оснований, терминологически усложнялись стремлением их авторов учесть все особенности *слова* (реальные и потенциальные) во всех языках мира. Между тем определение *слова*, как и других научных понятий, должно быть, по возможности, простым, чтобы к общему определению можно было бы в случае необходимости прибавлять дополнительные признаки, учитывая особенности несходных языков и разный уровень их исторического развития.

Слово — это одна из важнейших категорий языка, оформленная грамматически, обозначающая явления действительности и психической жизни человека и обычно одинаково понимаемая коллективом людей, говорящих на данном языке. К этому надо прибавить, что и «явления действительности», и «явления психической жизни человека» следует понимать в самом широком смысле, ибо *слово* может, разумеется, именовать и явления, в действительности вовсе несуществующие. Но подобно тому, как и в жизни нереальные понятия — категория, производная от понятий реальных, так и в *словах* сохраняется аналогичное соотношение. Предложенное определение фиксирует главные особенности *слова*. Что же касается *значения слова*, то это — содержание слова, в котором центральное место занимает понятие. Сказанное несколько не мешает *слову* выражать и передавать не только наши мысли (понятия), но и наши чувства, сколь бы многообразными и разнообразными они ни были. Понятие, однако, как правило, оказывается в центре значения слова (о многозначных словах будет сказано дальше)⁶.

Я понимаю, конечно, рабочий характер предложенных определений *слова* и *значения слова*. Следует, однако, обратить внимание на грамматическую оформленность *слова*, сколь бы различной она ни была в языках, разных по морфологическому строю. *Грамматика слова* дает возможность постоянно исследовать сложную проблему взаимодействия значения и формы почти на всех уровнях языка. «Голый» формализм так же бесплоден, как и «голый» семантизм, ставший весьма модным как раз у тех лингвистов, которые совсем не так давно слепо верили в научную силу, научную «точность» формалистического изучения всех категорий языка.

В свете сказанного споры о цельюоформленности или не о цельюоформленности *слова* в разных языках, которые у нас оживленно велись лет двадцать тому назад, представляются мне хотя и интересными, но второстепенными по своему теоретическому значению. Разумеется, для понимания *слова*, например, в алеутском языке, надо знать, что «алеутский глагол со включенным в него суффиксом воспринимается как имя с притяжательным суффиксом» [14], а для понимания границ *слова* во французском языке существенна возможная субстантивация целого комплекса типа *le qu'en dira-t-on* «пересуды», которую еще Вандриес считал одним словом [15]. Все это действительно необходимо знать при изучении тех или иных языков, но все это (в частности, подвижность границ между словами), разумеется, не может служить основанием для отказа от общего понятия о *словах*, для отказа от определения *слова*. Независимо от характера и степени его цельюоформленности *слово* в любом языке выполняет свою важнейшую назывную (в широком смысле) и понятийную функцию.

В свое время норвежский лингвист А. Соммерфельт убедительно показал, что в языке небольшого австралийского племени аранта совсем не

⁶ По всем этим вопросам см. [10]. Обзор самых разных определений слова дан в [11—13].

существует разделения слов на самостоятельные и служебные, как в современных европейских языках (в языке аранта все слова вполне самостоятельны) [16], но и подобные различия как бы внутри разных слов в разных языках не дают никаких оснований для отрицания реальности *слов*. Следует только всегда помнить и понимать, что *типы слов* в разных языках различны в зависимости 1) от общей типологической характеристики тех или иных языков, 2) от степени их исторического развития.

Возможная нецельнооформленность слова тоже, разумеется, не может служить основанием для его отрицания. Известно, например, что в старых русских рукописных памятниках и в печатных изданиях до конца XV в. либо вовсе не существовало деления текста на отдельные слова, либо текст делился на целые группы слов, связанных по смыслу. Писцы ставили «одно слово за другим, без промежутков между ними; только группы слов, то больше, то меньше, отделялись друг от друга» [17]. Это — свидетельство истории. Но и в синхронном плане членение иногда осложняется не только между *словами*, но нередко и внутри, казалось бы, целостных *слов*. Так, Г. Шухардт утверждал, что такие немецкие образования, как, например, *liebreich* «любвеобильный» или в том же значении *liebevoll*, слагаются из двух самостоятельных слов: *lieb* + *reich*, *liebe* + *voll* [18]. Независимо от степени справедливости подобной точки зрения несомненно одно — возможные осложнения границ как между словами, так и внутри целостных слов. Вместе с тем не следует преувеличивать значение подобных осложнений, ни, тем более, на их основе отрицать существование вполне самостоятельных *слов*. В свое время Ю. Н. Тынянов очень тонко показал возможность превращения в определенной социальной среде словосочетания «*поручики же*» в словосочетание «Подпоручик Киж» (Тынянов Ю. Н., «Подпоручик Киж»).

2. В нашей отечественной науке *слово* до самого последнего времени всегда рассматривалось как важнейшая категория языка. В 1883 г., в частности, Крушевский закончил свой прекрасный «Очерк науки о языке» так: «Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий» [19]. «Мир слов» в связи с «миром понятий» оказался в центре всего «Очерка». Немного позднее об этом же писал Срезневский: «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни... Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выраженное. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа — тем полнее, чем обширнее и разнообразнее их собрание» [20]. Написанные почти сто лет тому назад, эти строки звучат удивительно современно: вдумчивый и серьезный исследователь прекрасно понимал и значение отдельных *слов* («каждое слово...»), и системы слов («все вместе...») для науки о языке.

В советскую эпоху подобные мысли дальше развивали в своих публикациях такие ученые, как Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, В. И. Абаев, А. И. Смирницкий, Ф. П. Филин, О. С. Ахманова, В. З. Панфилов, О. Н. Трубачев и некоторые другие. При этом Мещанинов, например, справедливо считал, что *слово* — это предмет изучения не только в лексикологии и семасиологии, но и в грамматике [21], а Щерба утверждал, что «каждое мало-мальски сложное слово (в семантическом отношении. — Б. Р.) в сущности должно быть предметом научной монографии...» [22]. И всё это вполне актуально и в наши дни, если не забывать об осмыслении языка как «действительного практического сознания».

Стремление связать слова с понятиями и реалиями всегда было характерно для материалистической мысли еще задолго до возникновения марксизма. Эту тенденцию отмечают, в частности, историки античности: ученые той эпохи стремились «...посредством анализа слов прийти к познанию реального мира» [23]. Гораздо позднее знаменитому шведскому ботанику и медику Карлу Линнею принадлежит изречение: *Nomina si nescis, perit et cognitio rerum* «Если ты не знаешь имен, то ты не имеешь

представления и о вещах»⁷. При всей наивности старых представлений о прямой связи между «вещами и именами (словами)», в подобных представлениях уже обнаруживалось желание как-то сблизить язык с действительностью, как-то проникнуть в «сущность вещей». И недаром те лингвисты нашего века, которые отрицают какую бы то ни было связь между языком и реальностью, вместе с тем отрицают и взаимодействие между словами и понятиями [25]⁸.

Разумеется, связь между *словами* и *понятиями* сложна и ее нельзя упрощать. Вместе с тем очевидно, что наши знания так или иначе, прямо или косвенно взаимодействуют со словами. Мир современной техники нельзя осмыслить без мира современной лексики, современной терминологии. Речь идет, разумеется, не о физической связи между словами и понятиями, как думали когда-то, а о связи исторической, о связи в процессе исторического развития каждого языка.

Уже было справедливо замечено: «Чем более отвлеченным и общим является понятие, тем меньшую роль играют сопровождающие его конкретные чувственные образы и тем большее значение приобретает для него чувственная форма слова... По мере возрастания обобщенности понятий связь между понятием и словом становится все более тесной, а для абстрактных понятий, непосредственно не связанных ни с какими наглядными образами вещей, слова оказываются единственной формой существования понятий...» [27] (ср. [28]). Несколько иначе об этом же писал и американский лингвист Э. Сепир, хотя и отдавший дань скептицизму и релятивизму, но умевший глубоко анализировать языковые факты: «Наш ум требует точки опоры. Если он не может опереться на отдельные словообразующие элементы, он тем самым решительнее стремится охватить все слово в целом» [29]. В этом отношении большой интерес представляет история терминологии, где «стремление опереться на слово» выражено еще рельефнее, еще очевиднее.

Хорошо известно, что *термины* — это те же слова, хотя и в особой функции. Изгоняя из лингвистики слова, изгоняют тем самым и термины. Но термины, как и система терминов, неразрывно связаны со знаниями, с различными науками, с их непрерывным развитием. «Ликвидируя слова, наука о языке тем самым оказывается в стороне от всех других наук, которые не могут развиваться ни без слов вообще, ни без терминов.

Между тем историки науки давно установили многообразные связи и взаимоотношения между уровнем развития отдельных наук и уровнем развития соответствующего языка. «Из чертежей Леонардо да Винчи по механике, — пишет Л. Ольшки, — из указаний Бенедетти можно заключить, что... предшественникам Галилея было знакомо понятие *момента силы* (курсив мой. — Б. Р.). Но это понятие получило ценность лишь с того времени, когда Галилей дал ему точный термин, как доказывает и тот факт, что его враги — перипатетики ни при каких условиях не желали понять и принять этого выражения» [30]⁹. Автор приводит и другие многочисленные аналогичные примеры, свидетельствующие о роли терминологии и, шире, о роли *слов* и *словосочетаний* в процессе развития различных наук в эпоху Возрождения. Как образно говорил позднее один из персонажей «Назидательных новелл» Сервантеса (1613 г.), в науку нельзя проникнуть иначе, как только через дверь языка [33]. То же следует сказать и о науке нашей эпохи. Достаточно вспомнить сотни новых слов и новых словосочетаний, проникших в русский язык в связи с развитием одних только космических исследований¹⁰. Аналогичный процесс наблюдается и в других науках, подтверждая марксистский тезис о связи между развитием языка и развитием культуры (в самом широком смысле).

⁷ Об истории этого интересного афоризма см. [24].

⁸ В английском оригинале книги здесь говорится об отсутствии всякой связи между такими категориями, как *form-classes and lexicon*, т. е. между грамматикой и лексикой. По мнению автора, эти понятия вообще не соотносительны [26].

⁹ В этом же плане смотри старую, но капитальную монографию [31], а из новых работ [32].

¹⁰ Документированные примеры и иллюстрации см. [34], а для более ранних эпох — мою публикацию [35].

Вместе с тем нельзя забывать, что язык и мышление, язык и наука — это силы, постоянно и глубоко взаимодействующие, но отнюдь не тождественные. Поэтому надо признать несостоятельными заявления многих современных позитивистов, будто бы любая наука — это не что иное, как только «хорошо организованный язык» [36]¹¹. Между тем каждая наука определяется прежде всего разработкой соответствующих проблем, входящих в ее компетенцию, теорией, мировоззрением ученых. И хотя язык не остается пассивным в подобном сложном процессе (ресурсы языка способствуют фиксации тех или иных достижений науки), отождествление «специального языка» и науки недопустимо и приводит к отождествлению языка и мышления, к искажению природы языка.

Сказанное несколько не противоречит тому, что история любой науки неразрывно связана с историей *слов* и *терминов*, с историей соответствующих наименований, а нередко и с изменением подобных наименований. И нельзя не сожалеть, что этот интересный и важный вопрос остается все еще недостаточно изученным. Один из исследователей заметил, что когда в 1770 г. во Франции появилось слово *coke* «кокс», то вместе с ним в этой стране началась эпоха капитализма: *кокс* заменил в индустрии *дерево* и тем способствовал «рождению современной промышленности» [38]. Разумеется, здесь сама «вещь» (кокс) заменила другую «вещь» (дерево), а не одно слово — другое. Вопрос не сводится к такому, несколько упрощенному установлению прямого взаимодействия между отдельными словами и целыми экономическими эпохами, хотя сама проблема «слов и реалий», слов в истории общества еще ждет своих новых исследователей. Эта проблема сближает язык и общество не путем деклараций, а путем анализа фактического и очень важного, интересного материала.

3. Но вернемся к «ниспровергателям» слова. Двумя главными аргументами (после общефилософских предпосылок) в их теории являются — многозначность огромного большинства слов и их зависимость от контекста. Рассуждения обычно строятся так: *слова* многозначны, «следовательно», они неопределенны, не имеют значений вне данного контекста, границы между словами ясно не очерчены, «следовательно», *слова* не нужны вообще (см. об этом [3]).

Уже Соссюр стал сомневаться в реальности отдельного слова, хотя его позиция в этом отношении была двойственной, колеблющейся. С одной стороны, он как будто бы понимал значение *слова* как «конкретной единицы языка», а с другой — утверждал, что «конкретную единицу следует искать не в слове», ввиду, как ему представлялось, известной неопределенности самого *слова* [39]. Эту двойственность позиции Соссюра можно объяснить тем, что как серьезный исследователь конкретного материала индоевропейских языков он не мог не понимать роли *слова* в процессе развития этих языков, а как «чистый» теоретик, находившийся под влиянием односторонне понятой теории относительности, он сам интересовался только языковыми отношениями, а не языковыми субстанциями. Еще более решительно об этом же писал Ельмслев, устраняя, как ему казалось, колебания Соссюра. Лингвист, по убеждению датского ученого, может и должен исследовать лишь отношения внутри системы языка. Конкретные единицы языка теоретика интересоваться не могут: они относятся к эмпирическому материалу [40]. Эти же мысли повторяет в наши дни и глава генеративной грамматики Н. Хомский [41]¹².

Все подобные рассуждения отнюдь не так безобидны, как это может показаться с первого взгляда. Если *слова* — это только миф и нереальность, то как же тогда оформляются и выражаются наши понятия, как составляются толковые словари национальных языков, как происходит

¹¹ Споры по этому вопросу ведутся на протяжении многих лет, в частности, в специальном журнале [37].

¹² Хорошо обоснованные критические суждения зарубежных ученых о построениях Хомского собраны в интересной публикации [42]. А вот что сообщает директор Центра прикладных исследований США Р. Тройке: «Следует отметить, что трансформационные лингвисты, которых общественное мнение обычно связывает с компьютерами, практически не имеют никакого отношения к машинному переводу» [43].

взаимодействие между лексикой и грамматикой, включая и взаимодействие между отдельными словами и грамматикой, как совершается номинация? Таких как можно задавать много. И это всегда понимали серьезные ученые.

Уже в 1931 г. выдающийся французский лингвист А. Мейе, рецензируя монографию И. Трира и отдавая должное ее автору, собравшему большой материал, отмечал основной недостаток его работы: нельзя, по мнению Мейе, исследовать *группы слов*, минуя историю *отдельных слов*, образующих подобные группы. Каждое слово, — пояснял рецензент, — взаимодействуя с другими словами в процессе функционирования и развития языка, вместе с тем сохраняет и свою самостоятельность, тем более, когда речь идет не о служебных словах, а о словах вполне независимых [44]. И хотя сам А. Мейе не делал из этого безусловно верного наблюдения никаких общетеоретических выводов, они явно напрашиваются, в особенности в наше время: как мы уже знаем, *целое* не может бытовать в языке независимо от элементов (частей), формирующих подобное целое.

Но современные ниспровергатели слова, забывая прошлое своей науки, продолжают отрицать *слово*, ссылаясь на его мнимую несамостоятельность: *слово*, — утверждают они, — возможно только в данном контексте. И здесь они не оригинальны. Уже Б. Кроче утверждал, что *слово* не может иметь одно и то же значение дважды: *слово* живет только в одном контексте, в другом — оно уже оказывается другим словом. Употребленное в разных контекстах слово *дом* становится другим словом [45]¹³. Но если итальянский ученый подобное различие стремился обосновать прежде всего эстетически (эстетическая неповторимость *слова*), то примерно в то же время немецкий филолог К. Фосслер защищал сходное положение «лингвистически»: по его убеждению, контекст всякий раз делает *слово* другим [46]. В отличие от своих предшественников, современные хулителю слова обосновывают отрицание слова не одной причиной, как мы уже знаем, а совокупностью ряда причин: 1) относительностью «всего сущего» 2) культом целого или системы, 3) иногда возникающими формальными трудностями определения границ слова и т. д. При этом все эти причины признаются равными, хотя теоретически они во многом различны.

Между тем В. В. Виноградов был безусловно прав, когда писал: «Вне зависимости от данного его употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [47, с. 14]¹⁴. Здесь следует особо выделить — «вне зависимости от данного его употребления», т. е. от данного контекста, и «со всеми значениями», причем не только реально существующими, но и со «скрытыми и возможными». И это, разумеется, совершенно верно. Произносятся такие слова, как *злеб* или *дом*, *радость* или *горе*, ни один человек, для которого русский язык является родным, не потребует особого контекста для их понимания. Совсем другой вопрос в том, что в определенных, о с о б ы х с л у ч а я х, контекст может придать подобным *словам* дополнительное, даже неожиданное значение («скрытые и возможные» силы слова). Но все это, разумеется, не может изменить основных значений слов, понятных каждому. В противном случае язык не смог бы быть средством общения.

Эти, казалось бы, бесспорные и очевидные положения теперь стали у нас по меньшей мере неточно излагаться, даже в официальных академических изданиях. Так, например, в новой публикации русской академической грамматики справедливо отмечается, что *слово* является «одной из основных единиц языка». Но тут же разъясняется, что *слово* «существует в языке как система словоформ: так, слово *стол* существует как система двенадцати словоформ: *стол*, *стола*, *столу*, *стол*, *столом*, *столе*, *столы*, *столов*, *столам*, *стола*, *столами*, *столах*» [48]. В подобном толковании ощущается влияние релятивистической концепции *слова*, так как 1) ничего не говорится о том, что слово *стол* бытует, прежде всего,

¹³ Итальянский оригинал этой работы был опубликован еще в 1902 г.

¹⁴ Обращаю внимание на подзаголовок книги — о *слове*, а не предложении: в подходе к предложению недопустимо забывать о *слове*.

как самостоятельное слово, 2) «исходная форма слова» разъясняется только морфологически, как элемент парадигмы, а не как вполне самостоятельное именование определенного предмета. Получается так, что слово *стол* существует в языке лишь в системе двенадцати словоформ. Между тем оно существует и вне этой системы. Возможная ссылка на то, что грамматика занимается лишь отношениями, а не значениями, на мой взгляд, неверна, так как грамматика должна заниматься отношениями в их взаимодействии со значениями. В противном случае грамматика становится формалистической, и, как мне представляется, по меньшей мере неинтересной.

По сравнению с ранее приведенным толкованием В. В. Виноградова здесь, на мой взгляд, наблюдается шаг назад в отдельных вопросах теории грамматики, в осмыслении *слова*. Сказанным я не хочу бросить тень на академическую грамматику русского языка в целом. Это — большой и нужный труд целого коллектива известных ученых. Создать академическую грамматику любого языка, располагающего многовековой культурой, задача весьма нелегкая, как о том свидетельствуют и академические грамматики других европейских языков, постоянно перерабатываемые. Думаю, однако, что некоторые теоретические положения нового толкования грамматических форм, здесь предложенные, оказываются иногда спорными, а иногда и недостаточно ясно изложенными. Все это свидетельствует о том, что роль самостоятельного значения слова в языке, в частности и в особенности в грамматике, может быть различно истолкована с разных теоретических позиций.

Один из руководителей академической грамматики не так давно совершенно справедливо писал: «Перед нами — два взаимодействующих фактора: значение слова и его сочетаемость. Как бы ни было тесно и постоянно взаимодействие этих двух факторов, в работе по теоретической семантике они обязательно должны быть разграничены: изучение и разграничение значений слова не может подменяться изучением его сочетаемости» [49]. Я думаю, что автор этих справедливых суждений согласится с тем, что аналогичное разграничение необходимо проводить не только в теоретической семантике, но и в теоретической грамматике: *грамматическое значение и грамматическая сочетаемость* — это принципиально разные категории, которые недопустимо смешивать, хотя они постоянно взаимодействуют в процессе функционирования языка¹⁵.

4. Но как же все-таки следует понимать зависимость значения слова от контекста? Некоторые новейшие исследования показывают, что язык и мышление человека отличаются от «предъязыка» животных как раз тем, что мышление человека способно отвлекаться от контекста, тогда как «предъязык» животных всегда ситуативен. По данным Н. Тих, которая много лет изучала «предъязык» обезьян, он у них целиком ситуативен, целиком зависит от данного, и только данного контекста. Автор справедливо видит в этом одно из главных отличий «предъязыка высокоразвитых животных от языка человека, способного к широким обобщениям [51]»¹⁶.

Как мы уже знаем, у противников самого понятия *слова* одним из основных аргументов выступает многозначность большинства слов естественных языков. А многозначность будто бы предопределяет полную зависимость слова от контекста. Действительно, многозначность слова глубоко и принципиально отличает естественные языки от искусственных кодовых построений, где строго действует принцип: одно слово — одно значение, одно значение — одно слово [54]. Подобный принцип удобен и необходим для машины, в частности, в процессе автоматического перевода с одного

¹⁵ К сожалению, сама Н. Ю. Шведова в недавней своей статье подобных необходимых разграничений не проводит: все «условия существования слова» здесь неправомочно сводится к его необходимым значениям [50].

¹⁶ Из старых работ на эту тему отыщу [52]. Что же касается известных разысканий Л. Моргана, выполненных еще в прошлом веке, то их результаты, как теперь установлено [53], были учтены Ф. Энгельсом при написании его книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

языка на другой, но этот же принцип, если бы он оказался в основе национальных языков человечества, привел бы к их оскудению, лишил бы их огромных выразительных (в самом широком смысле) возможностей. К сожалению, это не все понимают, в том числе и некоторые лингвисты. Между тем подобное отличие естественных языков от кодовых построений имеет глубокие основания и приобретает важнейшее значение для осмысления процесса развития языка в связи с развитием мышления человека.

Как справедливо отмечал в свое время один из создателей семасиологии М. Бреаль, полисемия слова — это признак приобретенной цивилизации [55]. Достаточно раскрыть хороший толковый словарь русского или английского, японского или китайского языков, чтобы убедиться, насколько органична, насколько внутренне обусловлена полисемия: она предопределена природой самого языка, способного к постоянным обобщениям. То, что на русском языке можно, например, сказать не только «глубокая впадина», но и «глубокая мысль», не только «ясный день» но и «ясный взгляд», не только «золотое кольцо», но и «золотое сердце» (такие примеры можно приводить бесконечно), свидетельствует о внутренне неисчерпаемых ресурсах любого развитого языка. Если лишить слово подобной способности к обобщениям, оно не только сейчас же потускнеет, но и лишится своей главной особенности — способности обозначать и частное, и общее, и конкретное, и абстрактное, и буквальное, и переносное, и т. д. Об этом приходится говорить, так как ложный принцип — многозначность слова будто бы не позволяет ему быть реальной единицей языка — постоянно выдвигается всеми противниками слова¹⁷.

Но может быть, многозначность действительно приковывает слово к контексту, делает слово нереальным вне определенного окружения, как утверждают «отрицатели» слова? В этом вопросе необходимо разобраться. Он многим представляется сложным.

Дело в том, что даже такие выдающиеся отечественные филологи, как А. А. Потебня, а позднее Л. В. Щерба, нередко задумывались над вопросом о том, как следует устанавливать границы многозначных слов, где кончается полисемия и начинается омонимия¹⁸. И все же в своих конкретных филологических разысканиях эти ученые не только всегда считались с полисемией, но и опирались на нее. Достаточно напомнить, что Потебня свою основную много томную монографию «Из записок по русской грамматике» начинает с анализа многозначности слова, а Щерба в составленном им вместе с М. И. Матусевич большим «Русско-французском словаре» пишет: «всякое слово так многозначно, так диалектично...» [58]. Он тут же ссылается на свою же классификацию многочисленных значений союза *и* и глагола *играть* — классификацию, предложенную им для Академического словаря русского языка тридцатых годов.

Но как же теоретически разобраться в парадоксе многозначности? С одной стороны, слово едино и самостоятельно, а с другой — оно как бы «распадается» на множество отдельных значений. Дело, однако, в том, что никакого парадокса здесь собственно и нет. Когда человек, достаточно владеющий данным языком, говорит, например, «золотое сердце», то переносное значение прилагательного *золотой* воспринимается на фоне его же буквального значения («золотое кольцо»), нисколько не нарушая единства самого слова — единства, свойственного природе слова. Разумеется, поэт и прозаик могут пойти дальше в стремлении усилить подобные переносные (в широком смысле) фоны слова. Но это уже другой вопрос, относящийся к индивидуальному осмыслению слова. В. В. Виноградов был, безусловно, прав, когда в ранее уже приведенных строках обращал внимание на то, что слово «присутствует в сознании со всеми своими значениями» [47, с. 14] одновременно. Парадокс оказывается, таким образом, мнимым парадоксом.

¹⁷ См. об этом главу «Закон многозначности слова» в моей книге [56, с. 236—244].

¹⁸ По этому поводу смотри яркий очерк Д. Н. Овсяннико-Куликовского [57].

Между тем многие лингвисты и у нас, и за рубежом продолжают утверждать, будто бы *слово* вне контекста вообще не существует, и при этом ссылаются на полисемию слова. Даже «номинативное значение слова, — читаем мы в одной из статей, — всегда обусловлено контекстом... За исключением случаев однозначности... слова имеют только несвободное, связанное значение...» [59]. Здесь характерно стремление подчеркнуть «только несвободное, связанное значение» и перенести подобную «несвободу» и на номинативную форму слова. Принцип относительности значения доводится до абсурда.

Еще в конце двадцатых годов С. Карцевский убедительно обосновал принцип, который он же назвал «асимметрическим дуализмом языкового знака». Согласно этому принципу, «обозначающее всегда стремится иметь различные функции, подобно тому, как и обозначаемое стремится быть выраженным не одним, а многими способами. Хотя оба эти стремления асимметричны, они образуют в языке подвижное равновесие» [60]. Если бы язык был «устроен» иначе, он превратился бы в плоскую структуру, непригодную для передачи всего многообразия мыслей и чувств человека. Реальная же структура любого современного развитого языка сохраняет «подвижное равновесие», несмотря на наличие двух, казалось бы, противоречивых «стремлений», отмеченных автором.

Вместе с тем нельзя отрицать и того, что в отдельных, редких и исключительных, случаях полисемии все же может заставить задуматься над смыслом того или иного, обычно сложного, текста.

Исследователи философии И. Канта уже обратили внимание, что знаменитый тезис кенигсбергского мыслителя — «мне пришлось поднять знание, чтобы освободить место вере», сформулированный им в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума», может быть истолкован двояко, так как немецкий глагол *aufheben*, употребленный здесь Кантом, полисемантичен и способен передавать, в частности, два, в какой-то степени противоположных значения — «поднимать» и «отменять» [61]. В зависимости от этого тезис Канта можно толковать и так, будто философ хотел лишь «поднять» выше знание, чтобы освободить место вере, и так, будто он же хотел «отменить» знание, чтобы целиком уступить место вере. В этом исключительном случае полисемии *aufheben* нуждается уже не в контексте предложения, а в контексте философии Канта (идеологическая, а не лингвистическая проблема): великий мыслитель стремится лишь совместить знания и религию. Поэтому и глагол *aufheben* имеет здесь значение «поднять», а не «отменить». Об аналогичных случаях другой замечательный ученый — Гегель — любил говорить, что раскуску доставляет радость сама возможность разобраться в таких противоречиях языка, которые обусловлены его многообразными связями с мышлением.

Языком надо уметь пользоваться. Одно дело, когда мы восторгаемся погодой или ругаем ее в ситуации непогоды, и совсем другое, когда возникают большие и непростые проблемы нашего сознания и нашей науки, требующие языкового выражения.

Как ни интересны отдельные случаи, они, разумеется, не могут отменить общих закономерностей развития слов. Некоторую зависимость слова от контекста никто не собирается отрицать, но подобная зависимость нисколько не мешает *слову*: 1) сохранять свою самостоятельность и вне контекста, 2) в каждую историческую эпоху существования языка иметь основное значение, на фоне и на основе которого воспринимаются все остальные его значения, рождаются оттенки новых значений.

У ниспровергателей *слова* как самостоятельной категории языка находится еще один аргумент: слова, — говорят они, — находятся в системе языка лишь только в бинарной оппозиции. Чтобы понять значение *дня*, надо иметь представление о *ночи*, *правый* предполагает *левый*, *труд* — *отдых* и т. д. В свое время теория бинарных оппозиций, первоначально разработанная в области фонологии, помогла кое-что понять и в лексикологии. Но бинарность, даже там, где она действительно наблюдается в лек-

сике, не может опровергнуть самостоятельности отдельных слов, образующих подобную бинарность. В свое время В. Я. Пропп, много сделавший для изучения системных отношений в различных видах искусства, совершенно справедливо писал в более поздней своей работе: «Противопоставление комического трагическому... не вскрывает сущности комизма и его специфики... Мы будем определять сущность комизма без всякой оглядки на трагическое..., пытаюсь понять и определить комическое как таковое» [62]¹⁹. *Mutatis mutandis* (с соответствующими поправками), то же следует сказать и о бинарности в лексике.

«Легкая работа» может противостоять «тяжелой работе», но «легкая музыка» уже не противопоставляется «тяжелой музыке», а противопоставляется «классической музыке» или «серьезной музыке», или «камерной музыке» или «симфонической музыке» и т. д. Само многообразие подобных оппозиций в лексике свидетельствует о бедности и поверхностности теории бинарных оппозиций в лексике. Не говорю уже о том, что такие устойчивые словосочетания, как, например, *смотреть свысока* или *лёгок на помине*, не располагают противоположными по смыслу словосочетаниями. Аналогичная картина и в других языках. Даже в фонологии, где бинарность в отличие от лексики имеет важное значение, она постоянно нарушается. Если четыре носовых гласных звука литературного французского языка сравнительно легко укладываются в два бинарных ряда, то пять носовых гласных португальского языка (норма лиссабонского произношения) подобную бинарность разрушают.

Итак, и учение о бинарности в лексике не может опровергнуть положения об известной самостоятельности каждого слова в языке, не может взять под сомнение общую важнейшую роль слова в языке и речи.

Наконец, еще один аргумент у противников слова. Речь идет о теории разного «разбиения» значений, казалось бы, одних и тех же слов в разных языках, о теории, известной под названием «теории Сепира — Уорфа». Начну прямо с примера, который уже успел стать тривиальным во многих учебниках. В английском, немецком и французском языках имеется по два слова для обозначения *руки* и по два слова для обозначения *ноги*, тогда как в некоторых других языках, в том числе и в русском, в каждом случае — по одному слову. Предлагается такая схема:

англ. <i>hand/arm</i>	англ. <i>foot/leg</i>
нем. <i>hand/arm</i>	нем. <i>fuss/bein</i>
франц. <i>main/bras</i>	франц. <i> pied/jambe</i>
русс. <i>рука</i>	русс. <i>нога</i>

Собирая подобные примеры, исследователи на их основе часто делают неправомочный вывод о полной относительности «разбиения» значений, казалось бы, одних и тех же слов в разных языках. Отсюда — один шаг и до признания относительности самого слова, об условности и неясности его функций. Между тем здесь речь должна идти совсем о другом. Членить неодинаково в разных языках, например, понятие «верхней и нижней части *руки*», «верхней и нижней части *ноги*» вполне естественно. Русский язык не испытывает никакого неудобства от того, что он не располагает точно таким же членением данных понятий, как это делает, например, англичанин с помощью *hand/arm* или *foot/leg*. Английскому членению *hand/arm* может соответствовать в русском членение *кисть руки/рука*. Хотя здесь и нет тождественного совпадения с английским *hand/arm*, но кто сказал, что между разными языками должно наблюдаться тождество в выражении тех или иных понятий? Если бы здесь существовало тождество, тогда, выучив один язык, мы бы понимали и лексику другого языка (расхождения сходились бы только к звучанию). Но языки справедливо называют разными, даже если речь идет о близкородственных языках. В лексике подобное различие обнаруживается не в том, что в одних современных языках имеются слова для обозначения *руки* и *ноги*, а в дру-

¹⁹ О важности асимметрии не только в искусстве, но, в определенных случаях, и в логике см. глубокие суждения Гегеля [63].

гих — таких слов будто бы нет, а в том с в о е о б р а з и и, которое отличает способ их выражения в одном языке сравнительно со способом их выражения в другом или других языках. Даже в генетически родственных словах (ср., например, англ. *hand* и нем. *Hand*) обнаруживается различие в их современном употреблении. Теория относительности «разбиения» значений слов, сходных по своей номинативной функции, никак не может служить основанием для теории относительности всех *слов* вообще, для того, чтобы сомневаться в объективности их существования.

И недаром теорию Сепира — Уорфа в наше время критикуют многие ученые, хотя и с разных теоретических позиций [например, 64—65].

Наконец, еще один аргумент, ставший в последнее время очень модным у ниспровергателей слова. Слово объявляется лишь и только номинативной единицей языка и противопоставляется коммуникативным функциям предложения, в котором имеется предикат, прямо выраженный или подразумеваемый. Получается так, будто бы *слово* в коммуникативной функции, то есть в важнейшей функции языка, вовсе не участвует²⁰. Отсюда и пренебрежительное отношение к *слову*. Я глубоко убежден в ошибочности подобных рассуждений.

Нельзя противопоставлять родовое понятие (коммуникация) видовому понятию (номинация). Это неправомерно и с позиции формальной логики. Коммуникация включает в себя и номинацию. Называя *дом* — *домом*, а *жизнь* — *жизнью*, люди могут тем самым не только называть предметы и понятия, но и сообщать что-то другим людям об этих предметах и понятиях. Я уже не говорю здесь о номинативных предложениях, коммуникативную функцию которых уже давно и хорошо показал, в частности, шведский лингвист А. Ломбард в специальной монографии [67]. Любой язык — это, прежде всего, коммуникативная система, служащая для выражения наших мыслей и чувств. Поэтому и номинация, обычно передаваемая с помощью слова или словосочетания, служит все той же коммуникации. Номинация не может стоять в стороне от коммуникации, хотя первая и сохраняет свое своеобразие. Поэтому и этот аргумент у противников слова (номинация у них оказывается вне всякой коммуникации) нужно признать необоснованным.

5. Важнейшая роль слова, очевидная в общенародном языке, становится еще очевиднее в стиле художественной литературы. Этот вопрос, сам по себе весьма интересный, изучен сравнительно мало. В последующих строках попытаюсь показать на двух-трех примерах роль *слова* в языке поэзии.

В свое время я уже стремился обосновать специфику «стиля художественной литературы» в нашу эпоху, критикуя тех исследователей, которые отрицают подобную специфику и видят в стиле художественной литературы лишь механическое объединение всех стилей языка (немного «разговорности», немного «книжности», немного «научности», немного «арготивности» и т. д.)²¹. Между тем, если иметь в виду больших писателей — прозаиков и поэтов, — то их стиль представляет собой не конгломерат разных стилей, а качественно особое образование («стиль художественной литературы»), индивидуально неповторимое у великих художников слова. «Разговорность» или «книжность» стиля большого мастера служат другой цели, чем, казалось бы, та же «разговорность» или та же «книжность» делового документа. Такова сущность функционального подхода к стилю художественной литературы, к стилю больших писателей нашей эпохи.

«Всякое стихотворение, — писал Александр Блок, — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение» [68]²². Здесь необходимо отметить само-

²⁰ См. об этом соответствующие материалы в интересной монографии И. П. Распопова [66].

²¹ См. главу «В защиту понятия „стиль художественной литературы“» в моей книге [56, с. 204—214].

²² Ср. свидетельство одного из современников Блока: «Блок очень точно и отчетливо произносил окончания слов, при этом разделял слова небольшими паузами» [69].

стоятельность отдельных *слов* в, казалось бы, целостном стихотворении. Но в том-то и дело, что у великого мастера целое не противостоит отдельному, а взаимодействует с ним. Больше того. «Из-за них», из-за отдельных слов, существует и целое. Отдельные *слова* не только не теряются в целом, но даже «светятся как звезды».

Вопрос, разумеется, не сводится только к построениям типа «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», а ко всем созданиям поэта. Не случайно он сам говорит о «*всяком* стихотворении». В одном из его шедевров, в поэме «Двенадцать», отдельные слова тоже «светятся как звезды» («Ветер, ветер — На всем божьем свете!»). Л. И. Тимофеев уже давно совершенно справедливо заметил: «В тенденции слово в стихе всегда имеет интонационную самостоятельность» [70]. Подобная интонационная самостоятельность отдельных *слов* несколько не мешает им взаимодействовать друг с другом в текстах больших мастеров.

В последние годы в некоторых направлениях лингвистики и поэтики наметилась тенденция толковать ключевое или опорное *слово* в стихе как явление чисто звуковое. Ссылаются при этом на стихотворение, например, О. Мандельштама под заглавием «Воронеж» с последующей рифмовкой «Воронеж, проворонишь, вернешь, ворон, нож»²³. Но подобное толкование «ключевого или опорного слова» в стихе следует признать поверхностным. У больших поэтов случаи подобной рифмовки могут иметь либо подсобное значение, подчиненное идейному и эмоциональному замыслу произведения, либо выполнять шуточную, ироническую функцию. Когда А. Блок писал о словах, светящихся как звезды, он был весьма далек от уровня «Воронежа». Сказанное, разумеется, не означает, что звуковая организация стиха несущественна. Она существенна для всякого истинного поэта. Но у подобного поэта она же подчиняется более значительной цели.

Хорошо известна функция *отдельного слова* и у Владимира Маяковского. Напомню:

«Приду в четыре», — сказала Мария.
Восемь.
Девять.
Десять.

Разумеется, эти предложения зависят от контекста, но вместе с тем каждое *слово-предложение* сохраняет и свою самостоятельность. Самостоятельность слова нельзя противопоставлять контексту ни в языке вообще, ни, тем более, в поэзии. В приведенном же примере предложения не сводятся к простому обозначению времени (номинация), а передают сложные переживания поэта — его мысли и чувства — поэта, находящегося в ожидании решения своей судьбы (предикация)²⁴.

Слова в стихах великих мастеров не могли бы приобретать самостоятельного значения, если бы общенародный язык не предоставлял поэтам таких возможностей. С этой целью здесь и отмечается роль *слова* в поэзии. В стихах лишь ярче обнаруживается то, что свойственно общенародному языку. Значение отдельных слов, очевидное и в общенародном языке, становится еще очевиднее в стихотворной речи. Подлинный мастер «изводит» ради единого слова «тысячи тонн словесной руды»²⁵.

Все изложенное позволяет заключить: 1) *слово* — одна из важнейших категорий языка, отрицание которой не имеет никаких серьезных оснований и определяется методологически ошибочной релятивистической концепцией языка, 2) отрицание роли *слова* тесно связано с отрицанием объективной природы языка, с отрицанием каких бы то ни было соответствий между «миром слов» и «миром понятий», 3) *слово* не только выражает поня-

²³ См. комментарии Вяч. Вс. Иванова к книге Л. С. Выгского [71]. Совсем иная постановка вопроса в монографии Б. П. Гончарова [72].

²⁴ Отлучить имена существительные и прилагательные от коммуникации — это значит отлучить 80% из 100% слов, встречающихся в «среднем потоке речи». Таковы статистические данные Гиро для французского языка [73].

²⁵ «Слово в поэзии — это уже художественное произведение» [74]. О роли отдельных слов у поэтов разных стран см. [75—77].

тие, но и способствует его формированию, ибо *слово* не только синхронная, но и историческая категория языка, тесно связанная с его общим развитием, 4) *слово* — и лексико-семантическая, и грамматическая категория языка одновременно, так как в огромном большинстве языков слово грамматически оформлено (сколь бы ни был различен характер подобного оформления), 5) *слова* и их значения хотя и взаимодействуют с различными контекстами, но отнюдь не сводятся к ним, сохраняют свою самостоятельность (большую или меньшую), 6) *полисемия слов* не разрушает их внутреннего единства и внутренней целостности, 7) *слова* выполняют не только номинативную функцию, но и участвуют в общем процессе языковой коммуникации.

Вольтер в свое время говорил, что богословы порождают атеистов. Перефразируя проникновенную мысль великого писателя, можно сказать, что хулители слова порождают его ревностных и убежденных защитников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В. А. Предисл. к кн.: Лайонс Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 7.
2. Звегинцев В. А. Язык и знание. — ВФ, 1982, № 1, с. 77.
3. Будагов Р. А. К критике релятивистических теорий слова. — В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
4. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982, особ. с. 218—263.
5. Будагов Р. А. Филология и культура. М., 1980, с. 77—86.
6. Русский язык. Текст как целое и компоненты целого, М., 1982.
7. Arrivé M. et Chevalier J. La grammaire. Lectures, Paris, 1970, p. 66.
8. Попов И. С. История логики нового времени, М., 1960.
9. Лесохин М. М., Лукьяненко К. Ф., Пиотровский Р. Г. Введение в математическую лингвистику. Минск, 1982, с. 247.
10. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М., 1965, с. 12 и 359.
11. Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, с. 6—33.
12. Schulte-Herbrüggen H. El lenguaje y la visión del mundo. Santiago, 1963, p. 12—16.
13. Forsgran K. Wortdefinition und Feldstruktur. Göteborg, 1977, S. 50—55.
14. Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М., 1954, с. 129.
15. Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 129.
16. Sommerfelt A. La langue et la société. Oslo, 1938, p. 115.
17. Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908, с. 61.
18. Hugo Schuchardt-Brevier. Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Zusammengestellt und eingeleitet von Spitzer L. Halle, 1928, S. 198.
19. Крушевский Н. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 149.
20. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1887, с. 103.
21. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 3.
22. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, с. 72.
23. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 111.
24. Ullmann S. Language and style. Oxford, 1964, p. 208—209.
25. Блумфилд Л. Язык. М., 1968, с. 293.
26. Bloomfield L. Language. New York, 1933, p. 271.
27. Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958, с. 18—19.
28. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 45—59.
29. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934, с. 103.
30. Олшки Л. История научной литературы на новых языках. Т. 2. М.—Л., 1934, с. 48.
31. Eucken R. Geschichte der philosophischen Terminologie. Leipzig, 1876, S. 270—280.
32. Finocchiaro A. Galileo and the art of reasoning. London, 1980, p. 25—50.
33. Сервантес М. Назидательные новеллы. Т. 2. М.—Л., 1935, с. 259 и сл.
34. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М., 1973.
35. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971.
36. Ischreyt H. Studien zum Verhältnis von Sprache und Technik. Düsseldorf, 1965, S. 9.
37. Sprache im technischen Zeitalter. Stuttgart, 1970—1980.
38. Matoré G. La méthode en lexicologie. Paris, 1953, p. 66.
39. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 138.
40. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953, p. 5.
41. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972, с. 17.
42. Трансформационно-генеративная грамматика в свете современной научной критики: Реферативный сборник. М., 1980. (предисл. Ахмановой О. С.).
43. Troiké R. The future of MP. — American Journal of computational linguistics, 1976, v. 13, № 6, p. 48.
44. Meillet A. — BSLP, 1931, № 3, p. 143—144. — Rec.: Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg. 1931.

45. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920, с. 165.
46. Vossler K. Sprache als Schöpfung und Entwicklung. Heidelberg, 1905, S. 5.
47. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 14.
48. Русская грамматика. Т. I. М., 1980, с. 454.
49. Шведова Н. Ю. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы». — ВЯ, 1970, № 3, с. 41.
50. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова. — В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982, с. 143.
51. Тих Н. Предыстория общества. Л., 1970, с. 266.
52. Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923, с. 230—270.
53. Suret-Canale J. Morgan et Anthropologie moderne. — La pensée, 1973, № 171, p. 75—85.
54. Ершов А. П. Методологические предпосылки продуктивного диалога с ЭВМ на естественном языке. — ВФ, 1981, № 8, с. 110.
55. Breal M. Essai de sémantique. Paris, 1913, p. 144.
56. Будагов Р. А. Человек и его язык. 2-е изд. М., 1976.
57. Овсянко-Куликовский Д. Н. А. А. Потебня как языковед-мыслитель. Киев, 1893, с. 16—17.
58. Щерба Л. В. и Матусевич М. И. Русско-французский словарь. 9-е изд. М., 1969, с. 6.
59. Амосова Н. Н. Слово и контекст. — Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 243, с. 9—10.
60. Karcevskii S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. — TCLP, 1929, I, p. 88.
61. Гулыга А. Кант. М., 1981, с. 129 и с. 205.
62. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976, с. 8.
63. Гегель. Сочинения. Т. XII. М., 1938, с. 138—142.
64. Gipper H. Gibt es ein sprachliches Relativprinzip? Untersuchungen zur Sapir-Whorf Hypothese. Frankfurt, 1972.
65. Dürbeck H. Neuere Untersuchungen zur Sapir-Whorf Hypothese. — Linguistics. An international Review, 1975, № 145, p. 5—45.
66. Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов-на-Дону, 1981, особ. с. 85—98.
67. Lombard A. Les constructions nominales dans le français moderne. Paris, 1930.
68. Записные книжки Ал. Блока. Л., 1930, с. 63.
69. Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке. — Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 453.
70. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, с. 50.
71. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968, с. 514.
72. Гончаров Б. П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973, с. 9—30.
73. Guiraud P. Les caractères statiques du vocabulaire. Paris, 1954, p. 36.
74. Марченко А. Заметки о поэтике А. Вознесенского. — ВЛ, 1978, № 9, с. 94.
75. Cahen J. Le vocabulaire de Racine. Paris, 1946.
76. Lain M. La palabra en Unamuno. Caracas, 1964.
77. Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 13. Aufl. Berlin, 1968.